

происходит тогда, когда писатель, владеющий классическим языком, но желающий сделать свое произведение доступным более широкой массе, приближает его язык к народному. Это случаи, которые Х.-Г. Бек характеризует как «направление сверху вниз»². Ему противопоставляется «направление снизу вверх», подразумевающее случаи, когда писатель решается входить в литературу с произведением, написанным на народном языке (для XIII—XV вв. такие случаи уже довольно обычны). В этот период к двум названным случаям добавляется третий — когда, входя в литературу с нелитературным языком, писатель старается обогатить свой язык, «повысить» его уровень привнесением в него элементов литературного языка. {314}

Случай движения «сверху вниз» представлен романом «Каллимах и Хрисорроя», автор которого, принадлежавший к высшей знати, к самой императорской семье, приобщенный к классическому языку, оживляет язык своего сочинения привнесением живой народной струны. Эта языковая тенденция отнюдь не случайна — она тесно связана с процессом трансформации греческого романа, становящегося ведущим жанром византийской литературы XIII—XV вв.

«Каллимах и Хрисорроя» открывает качественно новую серию романов³, называемых *рыцарскими* в отличие от *любовно-приключенческих* романов и эллинистической эпохи, и XII столетия. Несомненно, однако, что народноязычный, стихотворный рыцарский роман XIII—XIV вв. подготовлен всем развитием жанра в предшествующее время, т. е. в XII в. Действительно, лирический характер, и почти поэтическая форма первого из романов — «Исминия и Исмина» Евматия Макремволита — свидетельствовали об отклонении от традиционных норм прозаического жанра; роман «Роданфа и Досикл» Феодора Продрома был написан уже не прозой, а ямбическим триметром, представляя собой попытку сочетания поэзии с традициями риторической прозы (что делало роман искусственным и безжизненным); попытка дальнейшего преобразования жанра — в «Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана, восстанавливающего в рамках поэтической формы лирическое направление, привносящего в роман демократизм, лирику народного толка; дальнейшее отклонение от архаической формы в «Аристандре и Каллитее» Константина Манасси, использовавшего уже не ямбический триметр, а пятнадцатисложный («политический») стих, приближало роман к народной поэзии⁴.

В «Каллимахе и Хрисоррое» рассказывается о некоем царе варваров, имевшем трех сыновей, которым он велел отправиться в дальний путь для свершения героических подвигов. Оказавшись перед неприступной горой, юноши одолели ее по настоянию младшего брата. Спустя три месяца на их пути возникает замок, охраняемый чудовищами. Двое из братьев отступают перед опасностью, и лишь третий решает преодолеть высокую стену замка с помощью волшебного кольца, подаренного старшим братом. В одном из залов юный Каллимах обнаруживает подвешенную за волосы красавицу, которую, как выясняется позже, истязал дракон, стараясь склонить к супружеству. Каллимаху удается сразить спящего дракона. Воспылавшие любовью друг к другу Каллимах и Хрисорроя клянутся в супружеской верности перед изображенным на стене Эротом. Счастье, однако, продолжается недолго: некий царь, охотившийся в окрестностях их дворца, увидел Хрисоррою и был очарован ее красотой. На помощь ему приходит старуха-колдунья. Сопровождаемый ею и войском царь подступает к дворцу юных супругов. Откликаясь на голос старухи, звавшей на помощь, Каллимах покидает дворец. Будто бы благодарная за сочувствие, старуха дарит юноше золотое яблоко, оказавшееся смертоносным. Хрисоррою похищают. Вещий сон приводит братьев к распростертому на земле Каллимаху. С помощью того же яблока, обладавшего, как оказывается, и животворной силой, юношу возвращают к жизни. Поиски {315} Хрисоррой увенчались успехом: Каллимах и Хрисорроя встречаются в саду царя-похитителя. Их тайные свидания замечены евнухами, и влюбленных предают суду. Однако пламенные, исполненные любовной страсти речи молодых супругов трогают царя, и он велит казнить не их, а колдунью. Влюбленным дарованы свобода и возможность продолжать счастливую жизнь в своем сказочном замке.

Первый издатель «Каллимаха» С. Ламброс считал, что автором романа был выходец из народа, а само сочинение — переработка одной из греческих сказок, близкой по типу к сказкам о храбреце Янисе. К. Крумбахер предполагал, что произведение представляет собой обработку

² Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 7.

³ Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1979.

⁴ Подробнее о романе XII в. см.: Алексидзе А. Д. Литература XI—XII вв. // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 204—209.